

работу выполняли близкие родственники (Катанов 1894: 25)¹. До годовых поминок женщина избегала контактов с посторонними людьми, в их присутствии она сидела или отвернувшись, или за пологом, не вступая в разговор. Запреты на общение несколько смягчались в отношении вдовы с одноаульцами, с которыми женщина продолжала общаться, но только в самых необходимых случаях.

Таким образом, состояние траура для женщины оказывается маркированным несколькими способами и отражено как в ее поведении, так и во внешнем виде. Следование запретам, изменение прически, смена одежды и снятие украшений в контексте погребально-поминального ритуала демонстрировали состояние перехода женщины в новый статус, что требовало от нее подчинения новым предписаниям и нормам поведения в повседневной жизни и в обряде.

3.2. Право левирата (*әмеңгерлік*). Права наследования имущества родственниками покойного

Юридические основы брака в адатном и шариатном праве близки, но не тождественны. Жена в «классической» исламской семье не входит в род мужа и теоретически обладает полной родовой автономией (Шарль 1959: 47). Обратную ситуацию можно наблюдать в правовой системе кочевников — правами на женщину и ее приданое обладает не только муж, но и весь его род. Право родственника умершего супруга жениться на его вдове, декларируемое нормами адата, не зафиксировано в шариате. Именно обычное право признавало безоговорочное превосходство рода над индивидом, на этом утверждении основывалась родовая самоидентификация кочевников.

Обычай левирата у казахов назывался *әмеңгерлік*. *Әмеңгер* в переводе означает «брат умершего, наследующий ему» (Катанов 1904: 96; Добросмыслов 1904: 56). В казахском языке сохранилось специальное название для вдовы, желающей после окончания траура повторно выйти замуж. Такую женщину именовали *жесір* (см., напр.: Аргынбаев 1978: 100); у Гродекова искаженно: *есир* (1889а: 85–86). Казахи употребляют также выражение *жесір дауы* (Аргынбаев 1978: 101), что в переводе означает тяжбу, распрю в результате нарушения левират-

¹ В отличие от вдовы и дочери покойного, остальные женщины в семье умершего на сороковой день после его смерти уже могли свободно передвигаться по аулу и посещать соседей.

ного права. Левират являлся традиционным юридическим институтом кочевников и предполагал не только определенные нормы брака, но и определенный порядок наследования имущества, заключающийся в переходе наследства не к сыну, а к брату покойного (Бикбулатов 1980: 570; Фукс 1981: 47)².

Представители местного духовенства, ориентирующиеся в своих религиозных воззрениях на нормативный ислам, осуждали обычай левирата как насильственное принуждение вдов к замужеству и относили эту традицию к «мусульманским законом воспрещенным делам» (ЦГА РК, ф. 338, д. 325)³.

Судьба вдовы после окончания траура зависела от нескольких условий: наличия или отсутствия у нее детей, пола и возраста детей, возраста самой женщины и, конечно, от ее благосостояния. Право левирата осуществлялось согласно степени родства к покойному. Первыми кандидатами на роль мужа были братья покойного. Предпочтение отдавалось брату-близнецу и старшим братьям. Они обязаны были жениться на вдове, даже если уже были женаты. Затем следовали старшие сыновья братьев, неродные братья и братья отца покойного и, наконец, более дальние родственники. Если ближайший родственник покойного мужа оказывался несовершеннолетним, то при согласии его семьи вдове могли дать право либо подождать его совершеннолетия или выйти замуж за следующего по степени родства претендента (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 100).

При выборе родственниками покойного нового мужа для овдовевшей женщины учитывалось его благосостояние (следовательно, возможность содержать супругу) и количество уже имеющих жен. По

² Вполне вероятно, что система наследования имущества и ханской власти не от отца к сыну, а от старшего брата к младшему была распространена уже у древних тюрков и первоначально основывалась на положениях обычного права о наследовании имущества по линии «старший брат — младший». На это в свое время обратил внимание В.П. Курьлев в своей статье, посвященной некоторым древнетюркским элементам в традиционной культуре казахов (Курьлев 1993: 54–55). Но наряду с описанной системой наследования у казахов зафиксирована и другая система передачи прав на наследство — по линии «от отца к сыну». Младший сын наследовал имущество отца, оставшееся после выделения старших братьев в отдельные хозяйства.

³ По поводу принуждения женщин к браку в хадисе, сообщенном Абу Хурайрой, говорится: «Женщину, ранее бывшую в браке, не должно выдавать замуж, не испросив ее мнения, а девственницу не должно выдавать замуж, пока не получено ее согласие».

закону мужчина имел право на четырех жен, так что если он хотел жениться на вдове своего родственника, а при этом у него уже было четыре супруги, ему приходилось развестись с одной из жен⁴, как пишет Н. Гродеков (1889а: 84), или, по крайней мере, перевести ее в разряд «суфи» (*соны*) — «воздержанных» — и не вступать с ней в интимные отношения. Ближайший родственник покойного имел право жениться на его старшей жене. Но только в редких случаях один родственник брал в жены всех вдов умершего: обычно они вместе с наследуемым имуществом переходили нескольким родственникам.

По обычаю мужа вдове назначала родня умершего⁵.

Однако еще С.Б. Броневский (1830: 281) писал о праве вдовы выбирать мужа по своей воле из младших и старших братьев покойного. Но тот из братьев, которого предпочла вдова, обязан был уплатить другим братьям штраф как компенсацию за имущество, которое он приобретал, вступая в брачные отношения с вдовой своего брата (Баллюзек 1871: 99–100; Добросмыслов 1904: 56; Аргынбаев 1978: 96; ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 56). С течением времени наблюдается некоторое ослабление обычая выбора вдовой нового мужа. Если в конце XVIII — начале XIX века выбор вдовы далее братьев умершего простирается не мог, то к концу XIX века зафиксирована практика, когда родственники покойного предоставляли женщине право выбора кандидата в мужа в пределах всей этнической группы умершего супруга и не принуждали ее к браку с ближайшими родственниками покойного мужа. Между тем необходимо помнить о вариативности адата — женитьба по праву левирата имела множество «неписаных» правил: в одних случаях женщине предоставляли право выбора супруга, в дру-

⁴ Возможно, что одна из причин распространения в среде кочевников многоженства заключается в обычае левиратных браков, которые предполагали передачу жен по наследству между родственниками. Например, в 1897 году в Сырдарьинской области 14,4 тыс. женщин являлись в браке вторыми женами (Мустафина 1992: 18). Как показывает анализ документов, рядовые кочевники достаточно редко брали вторую и тем более третью жену в дом. Муж был обязан выделить каждую жену в самостоятельное хозяйство или, по крайней мере, обеспечить отдельной юртой — это мог позволить себе далеко не каждый. Чаще всего вторая (или третья, четвертая) жена переходила к мужчине по обычаю левирата со своим имуществом, наследуемым после смерти супруга.

⁵ Примечательно, что ближайшими родственниками вдовы, по адату, считаются не представители ее генетической семейно-родственной группы, а ближайшие родственники ее покойного супруга (Пален 1910: 86).

гих — нет. Решение родственников покойного супруга или суда биев зависело от конкретной ситуации, в первую очередь от размера выплаты материального вознаграждения со стороны будущего мужа ближайшим родственникам покойного супруга.

Принцип левирата распространялся и на несостоявшиеся браки: в случае смерти жениха невеста переходила на тех же условиях или с небольшой доплатой калыма к одному из его родственников, чаще всего к брату (Тронов 1891б: 73; ЦГА РК, ф. 64, д. 5089, л. 34). Если умерший жених уже посещал невесту в селении ее родителей, то она должна была переехать в дом к потенциальному свекру и соблюсти траур по умершему в течение года, и только по истечении этого срока родственник покойного жениха имел право жениться на ней (ЦГА РК, ф. 64, д. 5089, л. 134). Такую невесту, как и замужнюю женщину после смерти мужа, именовали *жесир* (Аргынбаев 1978: 100). Таким образом, статус невесты после смерти жениха приравнивался к статусу вдовы.

Повторный брак вдовы по обычаю левирата нередко трактуется как суровый закон — обязательство не только для самой вдовы, но и для ближайшего родственника покойного мужа (Евреинов 1851: 90; Болотов 1866: 189; Загряжский 1876: 156; Гродеков 1889а: 85–86; Добросмыслов 1904: 56–57). Если жена после смерти мужа против воли его родственников возвращалась к своим родителям, то это действие приравнивалось к самовольному уходу от живого мужа без веских причин. В этом случае суд биев требовал от родственников женщины возврата калыма (ЦГА КР, ф. 64, оп. 1, д. 5089, л. 252), который носители традиции приравнивали к «плате за молоко матери» и рассматривали как практику возврата семье средств, потраченных на воспитание девушки, обязанной после замужества покинуть свою семью. Женщина после смерти мужа имела право вернуться к родителям, но должна была тогда отказаться от права на имущество покойного супруга (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 35–36); ее родня, как и в случае ее самовольного ухода, обязана была вернуть семье покойного супруга полный калым (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5089, л. 38). Родители далеко не всегда принимали дочь, которая лишалась всего семейного имущества и покидала род мужа. Ведь тогда родителям пришлось бы содержать женщину, выплачивать калым родне ее мужа, а при повторном замужестве вновь собирать приданое.

После смерти мужчины все его имущество наследовалось взрослыми (невыделенными) сыновьями и вдовой. Бездетной вдове обычно принадлежало 1/8 имущества покойного (юрта со всеми вещами, ко-

торые в ней находились, и часть приданого). Это имущество после заключения следующего брака переходило в собственность ее нового мужа. А остальное имущество (скот, деньги, товары) распределяли между собой другие родственники покойного (Баллюзек 1871: 99–100; Добросмыслов 1904: 56; ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5089, л. 153; д. 4236, л. 117).

Если умерший имел дочерей, но не имел детей мужского пола, то все имущество находилось в распоряжении вдовы до ее повторного замужества, после которого права на имущество переходили к ее новому мужу — родственнику покойного супруга (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5089, л. 38). Даже в случае смерти вдовы до ее выхода замуж наследником имущества становился ее потенциальный муж, назначаемый на совете семьи (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5089, л. 39).

Если женщина имела сыновей от первого брака, то она обладала правом отказаться от повторного замужества (Тронов 1891б: 78–80; ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 57–58, 100; ф. 4, оп. 1, д. 401, л. 83–84). Женщина, заявившая об этом, оставалась в статусе вдовы до конца жизни. Но известны случаи, когда женщина, в свое время отказавшаяся от брака, уже в преклонном возрасте выходила замуж по обычаю левирата. Это бывало, когда один из ее потенциальных кандидатов в мужья становился вдовцом и предлагал овдовевшей ранее женщине выйти за него замуж в целях ведения общего хозяйства.

Главная обязанность женщины, сохранившей статус вдовы, — воспитание детей. Она оставалась в своей семье на правах хозяйки, к ней переходили все домашние обязанности покойного мужа. В правовом отношении положение такой женщины было более стабильным, чем вдовы, вышедшей замуж за родственника умершего мужа и ставшей, к примеру, младшей женой в новой семье. По нормам адата, ближайший родственник покойного мог взять на себя опекунство над вдовой и ее детьми, если дети были еще несовершеннолетними и не могли самостоятельно распорядиться наследством⁶. В этом случае он временно распоряжался имуществом умершего и по своему усмотрению выделял из него долю на содержание вдовы и наследников покойного (ЦГА РК, ф. 4, оп. 3, д. 401, л. 34–39, л. 59, 77–78; ф. 25, оп. 1, д. 2484,

⁶ Малолетние дети умершего близкого родственника всегда находились под покровительством (хотя бы формальным) своих старших родственников. По казахским обычаям дети младших братьев (родных, двоюродных и троюродных) приходились детьми старшим братьям, а дети старших братьев по отношению к младшим считались младшими братьями (Аргынбаев 1989: 256).

л. 5, 6). Родственники покойного поступали таким образом, когда было составлено духовное завещание, в котором сам умерший еще при жизни просил своего ближайшего родственника присмотреть за его семьей в случае его смерти. Обычно же опекунство над вдовой носило формальный характер, и женщина, способная самостоятельно вести хозяйство, оставалась в статусе главы семьи до совершеннолетия своих сыновей. После женитьбы детей женщина переходила на попечение одного из своих сыновей, чаще всего младшего. Нередко она являлась главной женщиной в доме, даже если у ее сына было несколько жен.

В источниках зафиксирована и другая практика. Если женщина овдовела в пожилом возрасте и к этому времени у нее уже были взрослые сыновья, то всеми делами семьи могли заправлять они, а мать не имела никакого влияния на их решения. Действительно, по адату, если вдова не вышла замуж повторно, ее старший сын (при условии, что он совершеннолетний и в состоянии управлять делами) должен был после смерти отца взять на себя ответственность в отношении своих младших братьев и сестер и выполнять в семье все обязанности умершего отца. В материалах Оренбургской пограничной комиссии говорится, что сын, содержащий свою мать, в случае ее повторного замужества выделял ей только одного верблюда, а остальное имущество удерживал за собой (Материалы по казахскому обычному праву... 1948: 85). Д'Андре также сообщает о том, что совершеннолетний сын после смерти отца становился полноправным хозяином всего имущества и по своему желанию наделял (или не наделял) свою мать приданым в случае повторного брака (д'Андре 1948: 144).

Как видно из вышеизложенного, имеющиеся у нас сведения о положении вдовы в кочевом обществе достаточно противоречивы. Видимо, многое зависело и от обстановки в семье, и от отношений между матерью и сыновьями, и от того, пользовалась ли женщина уважением в семье до смерти ее мужа.

Если вдова имела только дочерей, то это не избавляло ее от повторного брака. Ее дочери или оставались при ней в новой семье, или переходили в семьи других родственников мужа (д'Андре 1948: 56). Но если женщина при жизни мужа родила хотя бы одного сына, то после смерти супруга она имела право оставить всех своих дочерей при себе (Добросмыслов 1904: 56).

Молодая вдова, не родившая ни одного сына, но при этом способная иметь детей, должна была обязательно вновь выйти замуж. С целью избежать замужества женщина могла усыновить сына одного из близ-

ких родственников своего покойного супруга (Баллюзек 1871: 100). К этому способу чаще всего прибегали как раз молодые вдовы. Видимо, основными критериями при решении вопроса о вторичном замужестве вдовы были ее возраст, наличие детей и способность к деторождению. Если женщина была стара и уже не могла иметь детей или неизлечимо больна, она имела право не выходить повторно замуж. Вдову-старуху, если у нее не было собственных родственников, брали к себе родственники мужа, и она жила в их семье, «работая за прокорм и одеяние» (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5089, л. 257; д. 4236, л. 57).

Такая система наследования и воспитания детей покойного в рамках его семейно-родственной группы, по-видимому, связана с принципом признания родства у казахов только по мужской линии. Именно поэтому кросскузенный брак не являлся нарушением экзогамных норм, и двоюродные братья и сестры по отцовской и материнской линиям могли вступать в брачные союзы. Также довольно часто встречались браки и между детьми родных сестер (Аргынбаев 1989: 257). Таким образом, для заключения брачного союза было достаточно, чтобы отношения отцов брачующихся выходили за рамки экзогамного барьера.

Отношения мужа и жены во втором браке нередко носили номинальный характер. Закон левирата не учитывал возраста будущих супругов. Так как жениться на вдове мог (а в ряде случаев — должен был) младший брат покойного, он часто оказывался намного младше самой вдовы. Бывали случаи, когда 30-летней вдове приходилось выходить замуж за 7-летнего мальчика, если она состояла в брачном союзе с его умершим братом (ЦГА КР, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 10; Малышев 1904: 140).

Если же женщина выходила замуж за человека постороннего и покидала род покойного супруга, то родственники мужа получали от ее жениха калым и штраф (*айын*). В этом случае женщина получала от родственников мужа только лошадь и «тусек орын» (*төсек орын*. — И.С.) — «постельные принадлежности» (Баллюзек 1871: 102; Добросмыслов 1904: 57; Собрание киргизских законов... 1948: 66–67; Тронов 1891б: 78; Изразцов 1897: 9). Она лишалась прав на остальное наследство и на воспитание своих детей, которых оставляла в семье покойного мужа⁷. Приданое такой женщины, так же как и все семей-

⁷ Даже если женщина была беременна от покойного супруга, она обязана была вернуть ребенка в семью умершего мужа, точно так же и грудные дети оставались с матерью только на период их кормления грудью.

ное имущество, распределялось между родственниками умершего мужа (Загряжский 1876: 156; Козлов 1882: 334; ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 57).

Если договоренность между родней мужа и вдовой не была достигнута, а женщина самовольно покидала свой дом и тайно выходила замуж за чужака, то дело могло закончиться взаимными грабежами и набегами — *барымтой*. Посягательство на права родственника покойного по отношению к вдове (то есть нарушение левиратного права) считалось оскорблением, нанесенным всему роду, и могло породить межродовую распрю — *жесір дауы*. Человек, не отстоявший своих прав на брак с вдовой и уступивший ее в другой род, обычно лишался права голоса на общественных собраниях и подвергался насмешкам (Плотников 1870а: 125–126). Окружающие порицали и высмеивали всю семью, допустившую такое беззаконие. Насмешки прекращались только после уплаты штрафа или *барымты*.

Лишение вдовы всех прав на имущество покойного мужа называлось *іргеден шығару*, что в переводе означает «вывести под решетку кибитки (юрты)» (Баллюзек 1871: 102). В источниках приводится описание «старинного обычая» ухода вдовы из семьи покойного супруга. Вдове, пожелавшей выйти замуж за постороннего, родственники умершего мужа преграждали выход из юрты. Женщина должна была поднять кошмы и для того, чтобы покинуть юрту, пролезть под ними. После этого она имела право уйти к новому жениху, но взяв с собой только то, что было на ней надето (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 115). Показательно, что женщина выходит из юрты неестественным способом. Следует обратить внимание, что схожим способом, вынимая одну из кереге юрты, могли выносить из дома покойного, отмеченного какими-либо особенно отрицательными качествами. У казахов этот способ использовали в случае похорон двух или более человек: одного из них выносили через дверь, второго — приподняв решетчатое основание юрты — *жабықтан шығарады* (Шаханова 1998: 39). Таким образом, женщина, покидавшая семью умершего, противопоставляла себя остальным членам семьи не только в социальном, но и в символическом плане.

Женщина, вышедшая замуж за представителя чужого рода, по традиционным представлениям кочевников, считалась падшей и развратной и подвергалась осуждению со стороны не только родственников покойного супруга, но и собственных родителей (Маковецкий 1886: 27; ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5089, л. 149). Большинство женщин смотрели на подобное поведение «как на дело неприличное, как

на верх всякого бессовестия, и бояться даже мысли о нем» (Баллюзек 1871: 103).

Европейцы, описывающие обычай левирата, осуждали принуждение женщин к бракам, но сами носители традиции расценивали уход вдовы из родственной группы мужа как нарушение обычая, освященного правовыми нормами и религиозным законом. По-видимому, подобные случаи отказа от повторного левиратного брака были редки до распространения российских законов среди кочевников, когда женщины формально получили право оспаривать левиратные браки и обращаться к российским властям с жалобами на родственников покойного мужа. В российскую администрацию поступали не только прошения вдов об освобождении от нежелательного левиратного брака, но и требования женщин разобраться в имущественных спорах.

Показательны примеры прошений вдов по поводу притеснений их со стороны мужей в повторном браке в отношении собственности на имущество, которое перешло к новому мужу через вдову от ее покойного супруга (ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 2272), а также дела по разделу имущества покойного между его женами и наследниками мужского пола (ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 4569; ф. 78, оп. 2, д. 7143). Суды биев, следуя традиции, при решении брачных дел поддерживали интересы родственной группы, а не личности. В судах биев ходатайство или прошение имело силу, только если оно было поддержано группой родственников (Аничков 1898: 38–41). Женщины, не находя юридической защиты в правовой системе адата, обращались к российским властям, надеясь на решение семейных имущественных споров в свою пользу.

Н.И. Гродеков отмечал, что обычай левирата, «делавший женщину принадлежностью рода», был парализован законом 1867 года, предоставлявшим право уездному начальнику (а в неординарных случаях — губернатору) решать брачные и семейные дела в тех ситуациях, когда одна из сторон была недовольна судом биев (Гродеков 1889а: 87). Хотя в 1886 году семейные и брачные дела были изъяты из ведения русской администрации и переданы для рассмотрения в народные суды, российские власти оставляли за собой право надзора за их работой. Сами кочевники по решению семейно-брачных дел в одних случаях обращались в суд биев (с 1886 года — в народные суды), а в других случаях — в суд знатоков шариатного права, то есть казиев (Емельянов 1886). При этом суды казиев не получили широкого распространения среди казахов, более популярными как до присоединения к России, так и после оставались суды биев и выборных народных судей.

Когда женщины получили шанс подавать протесты против не-удобного для них брака, это, с точки зрения европейцев, служило доказательством повышения уровня «цивилизованности» казахов под влиянием российской колонизаторской политики. Но эта практика отражала сложившуюся в регионе ситуацию полиюридизма и постепенное разрушение норм адата, а следовательно, и традиционной организации кочевого общества. Известны случаи, когда решения судов биев не согласовывались с постановлениями российских властей, что нередко приводило к затяжным процессам расследования спорных вопросов. Представителям российской администрации приходилось разбирать дела, которые обычно регулировались нормами адата, и оспаривать постановления народных судов, соответствующие традиционному разрешению той или иной ситуации. Постановления российских властей часто противоречили правовой системе кочевников и в отдельных случаях приводили к семейной вражде с неизбежными грабежом и *барымтой*. Законы, действующие в интересах всего рода, заменялись «европейскими» законами, поддерживающими право индивида. В своей рукописи майор Метелицын сообщает, что даже бии при решении дел о браках «вопреки обычному праву начинают постановлять решения, коим вдовам дается свобода выходить или не выходить замуж за деверя...» (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 10).

Конечно, нельзя забывать о том, что право вдовы на выбор нового мужа среди родственников умершего хотя и декларировалось, но осуществлялось далеко не всегда. Родня покойного мужчины могла просто назначить его вдове нового мужа, не спрашивая ее согласия и не обращая внимания на протесты ни с ее стороны, ни со стороны ее родственников. Но известны случаи, когда на вдову никто не заявлял прав, и тогда родственники мужа добровольно разрешали ей выйти замуж по ее выбору, при этом не ущемляли ее права на скот и имущество и оставляли ей на воспитание малолетних детей. Согласно традиции, родные покойного получали от ее нового мужа не полностью калым, а только одну «девятку» скота (Аргынбаев 1978: 99) или отпускали женщину вовсе без уплаты калыма (Сборник киргизского обычного права 1948: 296). Если семья покойного супруга, в которой жила вдова с детьми, не в состоянии была ее содержать или вдова была больна и не принимала участия в ведении хозяйства, то родственники умершего мужа без возврата калыма могли отпустить вдову с детьми к ее родителям или родственникам, которые брали на себя обязательства по содержанию вдовы и ее детей (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5089,

л. 148). Престарелой вдове, которая не имела несовершеннолетних невыделенных сыновей, родственники покойного мужа при желании могли оставить в пожизненное пользование часть или даже все имущество умершего. Такие случаи известны, но, как правило, они касаются вдов, пользующихся большим уважением в семье покойного супруга (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 57, 114). В материалах Оренбургской пограничной комиссии зафиксированы также случаи из судебной практики, когда жена или жены умершего получали в наследство все его имущество, так как у покойного не осталось ни родственников, ни близких, заявивших права на его наследство (Материалы по казахскому обычному праву... 1948: 113).

Анализ имеющихся материалов показывает, что обычай левирата у казахов был достаточно вариативен. Уже упоминалось, что вариативность положений обычного права по одним и тем же вопросам связана с тем, что, в отличие от шариата, адат был исключительно локальным правом. Предписания обычного права соблюдались строго, но единая трактовка «технологии» исполнения предписаний часто отсутствовала, и контроль обеспечивался общественным мнением семейно-родственных групп. Поэтому можно определить лишь круг возможных решений ситуаций, регламентирующихся нормами адата, и проследить вариативность положений адата в повседневной юридической практике.

С уверенностью можно говорить лишь о том, что юридически женщина не являлась полноправным собственником наследуемого имущества. Право женщины на наследование части семейного имущества после смерти супруга — понятие достаточно условное. До совершеннолетия своих сыновей вдова была лишь временным распорядителем имущества, наследуемого детьми, постоянно находясь под присмотром родственников покойного мужа. Бездетная вдова номинально наследовала имущество покойного, но только до обязательного повторного брака с его родственником. В случае отказа от брака она теряла право на все семейное имущество. Если же вдова имела совершеннолетнего сына, то он становился распорядителем всего состояния. Влияние женщины на своих сыновей основывалось только на ее личных качествах и на отношении к ней старших родственников покойного мужа. Таким образом, семейное имущество, оставшееся после смерти главы семьи, в любом случае оставалось в семейно-родственной группе мужа и переходило в собственность старшего мужчины. Эти права мужчины, в отличие от прав женщины, были закреплены адатом.